90 317

РК
987

3-й экз.

№ 102

Изъ библиотека Учителя Саввы Осѣцкаго

ЖИЗНЬ ЮЛІЯ АГРИКОЛЫ.

ТВОРЕНІЕ

ТАЦИТОВО.

В: Малыгина

XX-5954

МОСКВА,
ВЪ Университетской Типографіи,
у Хр. Ридигера и Хр. Клаудія.
1798.

Съ одобренія Московской цензуры.

ЕГО

ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

ГОСПОДИНУ

ТАЙНОМУ СОВѢТНИКУ,

Рязанской Губернїи

ГУБЕРНАТОРУ

и

Орденовъ

С. Анны перваго класса

и

С. Владимїра четвертаго класса

КАВАЛЕРУ

МИХАЙЛУ ИВАНОВИЧУ КОВАЛЕНСКОМУ.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

Любовь Ваша къ наукамъ, отличная снисходительность къ упражняющимся въ оныхъ, и собственныя, обширныя Ваши свѣдѣнїя съ тонкимъ вкусомъ въ изящности — все сїе придаетъ мнѣ смѣлость украсить почтеннымъ именемъ ВАШЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА *переводъ сего небольшаго, но*

ло

по мыслямъ и слогу превосходнаго творенія Тацитова. — Щастіе мое будетъ съ избыткомъ, естьли мастерскою кистію краснорѣчиваго Дѣлисателя изображенный Агрикола — въ мирныхъ добродѣтеляхъ, увѣнчающихъ истинною славою Правителей, и въ самыхъ наружныхъ качествахъ, толико

съ

съ Вами схожій Агрикола — переложенный теперь на Россійской языкъ заслужитъ ваше одобреніе, а молодой переводчикъ удостоится лестныхъ для него милостей знаменитой Особы Вашей.

Поручая и себя и трудъ свой въ благосклонное Ваше по-

кро-

кровительство, пребыть честь имѣю съ глубочайшимъ къ Вамъ почтеніемъ и совершенною преданностію,

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

ВАШЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА

Нижайшимъ слугою

1798
Марш. 1. *Иванъ Горинъ.*

ЖИЗНЬ
ЮЛІЯ АГРИКОЛЫ.

Съ самыхъ древнихъ временъ въ употребленіи предавать потомству дѣянія и образъ жизни мужей отличныхъ по своимъ достоинствамъ; — да и въ нашемъ вѣкѣ, не смотря на владычествующее ко всему равнодушіе, воскуряется сей ѳиміамъ добродѣтели, при блистательномъ торжествѣ ея надъ завистію и невѣжествомъ, пороками свойственными великимъ Государствамъ и малымъ владѣніямъ. Но въ прежнія времена, когда добродѣтель обнаруживалась и скорѣе и свободнѣе — не лесть и не тщеславіе водили перомъ

славнѣйшихъ Писателей; но единственное удовольствіе, удовольствіе, вкушаемое при отдаваніи справедливости отличнымъ достоинствамъ. Часто великіе мужи, надѣясь на чистоту своихъ нравовъ, сами писали повѣствованіе жизни своей, не опасаясь клеветы, которая бы уличила ихъ въ самолюбіи; почему ни Рупилій, ни Скавръ не подверглись чрезъ то ни противорѣчію, ни порицанію. Толико-то превосходнѣе цѣнятся добродѣтели въ цвѣтущіе свои вѣки! Яжъ, описывая жизнь Агриколы по смерти его, ничѣмъ не могъ бы въ томъ оправдаться, естьли бы не страшился раздражить кровожаждущее тогдашнее правленіе, явно гнавшее добродѣтель.

Всѣмъ извѣстно, что съ Аруленомъ Рустикомъ и Сенекіономъ поступлено было, какъ съ преступниками: съ первымъ за то, что

Пе-

Петру Тразеѣ, а сѣ послѣднимъ, что Приску Гельвидію, писали похвалу. Но сего не довольно: — по велѣнію верховной Власти сожжены безсмертныя ихъ творенія на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ зрѣлся нѣкогда престолъ вольности. Мнили, казалося, разрушить симъ пламенемъ вопль народа Римскаго, уничтожить законную власть Сената, и принудить родъ человѣческій сомнѣваться въ томъ, что онъ видитъ, или чувствуетъ. Самые любители мудрости изгнаны: науки и способности стали нетерпимы; словомъ, старались истребить все, что хотя видъ честности показывало. Правду сказать, никто не былъ такъ терпѣливъ, какъ мы — и коликою предки наши наслаждались свободою, толикимъ подавлены мы были рабствомъ. Окруженные со всѣхъ сторонъ наушниками и донощиками, не

дерзали мы ни говорить, ни слушать. Истребилось бы въ насъ и самое воспоминаніе золъ нашихъ, естьли бы столь же легко было забывать оныя, сколь легко безмолвствовать.

Наконецъ лучь бодрости и свободы возсіялъ въ душахъ нашихъ. При самомъ началѣ благополучнаго сего столѣтія Нерва согласовалъ то, что почиталося издревле несходнымъ между собою, то есть, права Государя и права народа вольнаго. Власть Траяна, достойнаго его преемника, день отъ дня становится намъ любезнѣе. Общая безопасность возстановлена; надежда наша преображается въ событіе — и въ настоящемъ благосостояніи, какъ въ зерцалѣ, ясно изображается будущее наше благоденствіе. Но по нещастію, обыкновенному спутнику рода человѣческаго, успѣхъ лекарства

ства производится медленно, а дѣйствіе болѣзни всегда бываетъ поспѣшно. Цѣлые годы потребны для возвращенія тѣламъ нашимъ надлежащей силы: но единыя минуты довлѣетъ ихъ разстроить. Равнымъ образомъ легко умертвить дарованія, легко погасить любовь къ наукамъ: но трудно паки ихъ оживотворить. У безпечности и нерадѣнія есть своя привлекательность — и прежняя горечь бездѣйствія превращается наконецъ въ сладостную пищу. Чтожъ? естьли присовокупить къ тому, что въ пятнатцатилѣтнее теченіе власти тиранской, — время, составляющее весьма не малую часть вѣка человѣческаго — обыкновенные случаи лишили насъ многихъ, а свирѣпство Властителя отличнѣйшихъ гражданъ. Не многіе изъ насъ остались; — да и тѣ не токмо своихъ современниковъ, но, такъ сказать,

самихъ себя пережили. Надлежитъ совершенно изгладить изъ среды жизни безполезные тѣ годы, въ продолженіе которыхъ, погруженные въ крайнюю безчувственность, одни изъ насъ достигли глубокой старости, другіе отягчены стали немощію. Впрочемъ, и при недостаточномъ искуствѣ моемъ въ словесности, намѣренъ я написать повѣствованіе, заключающее въ себѣ воспоминаніе прошедшаго нашего рабства и купно опытъ настоящаго благоденствія. Трудъ сей посвящаю памяти человѣка, тѣснѣйшими узами родства со мною соединеннаго. Да будетъ такое приношеніе жертвою долгу и любви; жертвою, требующею одобренія читателей, или по крайней мѣрѣ, снисхожденія оныхъ.

Кней Юлій Агрикола родился во Фрежѣ, древнемъ и славномъ селеніи. Оба дѣды его были управителями

при

при доходахъ Императорскихъ. Отправляющіе сію должность занимаютъ отличное достоинство въ обществѣ Римскихъ Кавалеровъ. Юлій Грецинъ, отецъ его, толико знаменитый между Сенаторами, отличнымъ краснорѣчіемъ и мудростію навлекъ на себя гнѣвъ Калигулы и былъ умерщвленъ за то, что не согласился обвинить Силана. Мать его Юлія Процилла, женщина рѣдкаго цѣломудрія, его воспитывала. Подъ призрѣніемъ сея чадолюбивыя матери пріобрѣлъ онъ всѣ познанія, образующія разумъ и сердце: — худые примѣры не могли заманить его въ свои сѣти: — одаренный отъ природы добрымъ характеромъ, по щастію съ самаго дѣтства учился онъ въ городѣ Марселѣ, въ семъ храмѣ наукъ и благонравія, гдѣ владычествуетъ, какъ въ словахъ, такъ и въ поступкахъ Греческая пріятъ-

ятность, сопряженная съ благоразумною умѣренностію; умѣренностію, существующею нынѣ въ однихъ токмо Провинціяхъ. Не однократно слыхалъ я отъ него, что въ самой юности пристрастился было онъ къ ученію Философіи, которая для Римлянина, для Сенатора не должна быть единственнымъ упражненіемъ; и что совершенно предался бы стремленію своей склонности, естьли бы не удержало его благоразуміе матери. Потребно было обуздать рвеніе толь пылкихъ способностей, которыя одушевлены будучи истиннымъ величіемъ, съ безмѣрнымъ жаромъ стремилися къ первому встрѣпившемуся предмету, блистательною славою озаряемому. Вскорѣ лѣта и разсудокъ укротили сію пылкость, и возродили въ немъ ту рѣдкую и къ снисканію толико трудную умѣренность, которая и

въ

въ самомъ благѣ умѣетъ убѣгать излишества.

Первый опытъ службы его былъ въ Британіи, подъ начальствомъ Свѣтонія Павлина, мужа неусыпнаго и хладнокровнаго. Онъ здѣлалъ честь выбору Полководца, которой принялъ его къ себѣ Адъютантомъ, дабы лучше познать ему цѣну. — Молодые люди почитаютъ обыкновенно военную службу за состояніе разсѣянности и своевольства. Агрикола не хотѣлъ брать ихъ себѣ за образецъ, и не употреблялъ во зло Трибунскаго чина, для испрошенія себѣ отпусковъ, дабы свободнѣе предаваться удовольствіямъ. Неопытность никогда не служила ему предлогомъ къ праздности. Онъ занимался разсматриваніемъ области, старался снискать благосклонность войска, любилъ употреблять въ пользу познанія людей свѣдущихъ и

подражать примѣру великихъ. Храбрость его была безъ тщеславія, и всѣ съ опасностію сопряженныя дѣла, начальникомъ на него возлагаемыя, не были плодомъ его исканія. Онъ принималъ ихъ съ недовѣрчивостію къ самому себѣ, а исполнялъ съ должною славою. Никогда еще Британія не представляла Римлянамъ такого случая къ военнымъ подвигамъ, и купно никогда не была въ толь сомнительномъ положеніи. Селенія наши обращены были въ пепелъ, старые воины умерщвлены, войска со всѣхъ сторонъ захвачены. Долгое время надлежало сражаться не для побѣды, но ради собственныя безопасности. Юному воину не льзя было еще льститься надеждою — раздѣлить доспѣхи оружія съ Полководцемъ. Но хотя единому Павлину принадлежитъ слава, пріобрѣтенная обратнымъ завоеваніемъ области;

одна-

однако Агрикола, подъ руководствомъ такого наставника, снискалъ искусство, опытность и поревнованіе. Въ немъ породилось сильное желаніе — отличиться въ дѣлахъ ратныхъ; — скользкой путь ко славѣ въ такое правленіе, когда прямое достоинство вмѣнялось во злоумышленіе, и когда самое почтеніе народа влекло за собою столь же пагубныя слѣдствія, какъ и худая слава!

Возвратясь въ Римъ для вступленія въ должность, сочетался бракомъ съ Домиціею Децидіаною, дѣвицею знатныя породы. Посредствомъ сего союза пріобрѣлъ уваженіе и блистательность, много споспѣшествовавшія ему къ возвышенію. Достойные сіи супруги, пылая взаимною между собою любовію, жили въ совершенномъ согласіи, приписывая другъ другу честь толь вожделѣнныя нѣжности, хотя въ такомъ случаѣ

жен-

женщинамъ тѣмъ болѣе должно отдать справедливости, чѣмъ чаще онѣ бываютъ виною раздора. Агрикола назначенъ былъ Квесторомъ. По жребію досталася ему въ удѣлъ Азія, а въ Проконсулы Сальвій Тиціанъ. Область сія, изобиліемъ своимъ желала, казалося, удовлетворить алчности правителей; да и Проконсулъ, человѣкъ жадный къ корысти, охотно согласился бы служить орудіемъ во взяткахъ, лишь бы собственные грабежи его чрезъ то не обнаружились. — Сугубое поползновеніе для Агриколы; но ничто не могло поколебать его добродѣтель. Во время пребыванія въ Азіи, родилась у него дочь въ замѣну сына, похищеннаго вскорѣ по томъ смертію. По сложеніи Квесторскаго съ себя достоинства, пребылъ онъ въ бездѣйствіи, ожидая произведенія въ народные Трибуны. Въ семъ санѣ провелъ онъ годъ съ равно-

равномѣрною безпечностію, вмѣняя праздность въ благоразуміе, при державствованіи такого обладателя, каковъ былъ Неронъ. Отправляя Преторскую должность, послѣдовалъ онъ той же системѣ бездѣйствія — и жребій, не предоставившій къ разбирательству его никакого дѣла, казалося, въ томъ ему благопріятствовалъ. При играхъ и тщетныхъ обрядахъ, неразлучныхъ съ сею должностію, умѣлъ онъ избѣгнуть и строгой умѣренности и излишней роскоши; въ нихъ видна была блистательность, но всегда безъ разточительности. Гальба поручилъ ему розыскъ драгоцѣнностей въ храмахъ, при Неронѣ разграбленныхъ. Агрикола съ толикою исполнилъ то ревностію, что и всѣ святотатства были отысканы, кромѣ святотатства Властителева.

Въ

Въ слѣдующій годъ, ужасное, плачевное происшествіе поразило бѣдственнымъ ударомъ Агриколу и все его сѣмейство. Флотъ Отоніанской, опустошая берега Лигуріи, разорилъ окрестности Интемельскія, гдѣ жила мать Агриколы въ своихъ помѣстьяхъ. Привлеченные корыстію разбойники умертвили ее, и разграбили большую часть имѣнія. Отправясь немедленно, для отданія послѣдняго долгу матери, на пути узналъ Агрикола, что Веспасіанъ ищетъ короны — и, ни мало не медливъ, принялъ его сторону. Въ началѣ новаго царствованія, Муціянъ правительствовалъ и распоряжалъ всѣмъ въ Римѣ; Домитіянъ же, по молодости лѣтъ, старался воспользоваться наслѣдственнымъ жребіемъ отца, для того токмо, чтобы удобнѣе предаваться порокамъ. Муціянъ, повелѣвшій Агриколѣ отправиться для набору

бору войскъ, столько доволенъ былъ его расторопностію и безкорыстіемъ, что поручилъ ему принять начальство надъ двацатымъ легіономъ въ Британіи. Отрядъ сей въ послѣднихъ присягнулъ новому Государю. Всѣ явно тогда утверждали, что вождь его питалъ въ подчиненныхъ духъ мятежа и возмущенія; заподлинно же сказать можно токмо то, что легіонъ сей, содѣлавшись почти независимымъ, страшенъ былъ и самимъ Полководцамъ, и что начальникъ — по собственному ли то неблагоразумію, или по непокорливости воиновъ — не въ силахъ былъ содержать его въ должномъ повиновеніи. Избранный на его мѣсто, для укрощенія мятежниковъ, Агрикола явилъ образецъ рѣдкія скромности, стараясь показать, что онъ не привелъ, но нашелъ ихъ въ надлежащей покорности.

Надъ

Надъ Британіею начальствовалъ тогда Векцій Боланъ, мужъ по тихому характеру совсѣмъ неспособный къ управленію толь грубымъ и жестокосердымъ народомъ. Дабы не помрачить славы начальника, Агрикола не выказывалъ своихъ способностей, и поставляя за правило соединять всегда честность съ пользою, не выставлялъ своея ревности иначе, какъ за опытъ повиновенія. Дарованія его обнаружились во всемъ блескѣ при Петиліи Церіалiи, преемникѣ Болановомъ. Новый сей Полководецъ, желая опытно извѣдать его способности, неоднократно поручалъ ему начальство надъ малою частію воинства, а иногда обнадеженный успѣхомъ, и надъ большими отрядами онаго. Однимъ словомъ, Церіалій пріобщилъ его сначала къ трудамъ, къ опасностямъ; а вскорѣ по томъ и къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ

ствіямъ воинскимъ. Не взирая на то, Агрикола никогда не тщеславился своими подвигами, никогда не присвоивалъ ихъ собственно себѣ. Онъ относилъ все къ начальнику, присовокупляя, что самъ онъ былъ токмо орудіемъ вождя своего. Такимъ образомъ, соединяя подчиненность съ достоинствами, заслуги со скромностію, предохранилъ себя отъ стрѣлъ зависти, увѣнчаваясь купно и славою.

По возвращеніи своемъ, включенъ онъ Веспасіаномъ въ число Патриціевъ, и вскорѣ поручена ему въ управленіе Аквитанія — достоинство блистательное какъ само по себѣ, такъ и по праву своему на Консульство. Военные люди почитаются обыкновенно не столь способными къ тонкому о дѣлахъ сужденію — пріобыкнувъ доказывать правость свою, вмѣсто всякихъ дово-

довѣ, шпагою, не изощряютъ они ума (своего) въ искусствѣ гражданскаго по законамъ разбирательства. Одаренный отъ природы проницательностію и будучи правдолюбивъ, Агрикола исправлялъ должность сію съ надлежащею точностію и правосудіемъ. Распредѣлены были у него часы для трудовъ и отдохновенія. Въ собраніяхъ и на судилищѣ поступалъ съ приличною важностію и раченіемъ; иногда былъ строгъ, но чаще снисходителенъ. По отправленіи же должности обращался со всѣми, какъ частной человѣкъ. Не зрѣлося въ немъ ни своенравія, ни надменности, ниже сребролюбія; и, что всего удивительнѣе, снисходительность его не умаляла къ нему почтенія народнаго, ни строгость приверженности. Сказавъ, что онъ былъ безкорыстенъ, что всегда правдивъ, надобно унизить

цѣну

цѣну достоинствъ пиоль великаго мужа. Не было въ немъ даже слабости, свойственной многимъ благороднымъ душамъ; не было сей алчности ко славѣ, обыкновенной побудительницы къ обнаруживанію собственныхъ добродѣтелей и къ изыскиванію утонченныхъ средствъ для приданія имъ блеску. Не причастенъ онъ былъ ни зависти къ прочимъ правителямъ, ни враждѣ къ своимъ сотоварищамъ. Одержать верьхъ при такихъ распряхъ — вмѣнялъ онъ въ безславіе: а быть побѣжденнымъ въ поношеніе. По трехлѣтнемъ почти управленіи Аквитаніею, отозванъ внезапно для воспріятія Консульскаго сана. Молва въ тоже время назначила его правителемъ Британніи — не по тому, чтобы собственное его на то было желаніе, но находя въ немъ качества, способныя къ отправленію сей должности.

Гласъ народа не всегда бываетъ обманчивъ; иногда предвозвѣщаетъ и истинну. — Будучи Консуломъ, обручилъ онъ мнѣ дочь свою, не смотря на то, что я былъ еще молодъ, и что она могла тогда надѣяться лучшаго въ замужствѣ жребія. Бракъ нашъ совершился уже послѣ его Консульства. Въ тоже время назначенъ онъ правителемъ Британніи, и принятъ въ общество первосвященниковъ.

Приступая теперь къ Британніи, намѣренъ я описать положеніе оной и упомянуть о народахъ тамъ обитающихъ — не съ тѣмъ, чтобы спорить о преимуществѣ съ столь многими писателями, прежде меня о ней упоминавшими; но единственно для того, что она покорена и узнана совершенно не прежде Агриколина надъ нею правленія. Творенія прежнихъ сочинителей блистаютъ

изящ-

изящностію краснаго слога: мое описаніе украшать будетъ истинна. Британнія есть величайшій изъ всѣхъ острововъ, Римлянамъ извѣстныхъ. Къ Востоку граничитъ она съ Германіею; Западные берега ея простираются къ Испаніи; на Югъ противулежитъ Галліи; а къ Сѣверу орошается толь обширнымъ моремъ, что вдали не видно никакихъ предѣловъ. Два краснорѣчивѣйшіе Историка, Титъ-Ливій между древними, и Фабій Рустикъ между новѣйшими, приписываютъ цѣлой Британніи образъ длиннаго щита, или сѣкиры о двухъ остріяхъ. Правда, что она похожа на то, естьли разсматривать ее по сю сторону Каледоніи: — и на семъ-то основаніи сдѣлано заключеніе, что и весь островъ такого вида: — но берега самой Каледоніи чрезмѣрно пространны, безобразны и къ концу

такъ стѣснены, что составляютъ острый уголъ. По повелѣнію Агриколы, флотъ нашъ въ первые обѣхалъ тогда страну сію, удостовѣрился, что Британнія островъ, и вновь открылъ и завоевалъ острова Оркадскіе. Усмотрѣна также Тилея, хладомъ и вѣчными снѣгами доселѣ отъ насъ сокрытая. — Утверждаютъ, что вода въ семъ морѣ стоячая, что усилія гребцовъ едва дѣйствительны на немъ бываютъ, и что самые вѣтры не колеблютъ его въ сравненіи съ другими морями. Причиною сему, естьли не обманываюсь, рѣдкость земель, горъ, яко начала и источника бурь, и самая громада водъ толь глубокихъ и толь обширныхъ, громада мало подверженная обуреванію вѣтровъ. Все, что могъ бы я здѣсь сказать объ Океанѣ, и о временномъ его волненіи, чуждо было бы моей цѣли;

да

да и многіе въ томъ меня уже предупредили. Остается токмо присовокупить, что нѣтъ страны, гдѣ бы сиихія сія простирала столь далеко свое владычество. Не у однихъ береговъ приливъ и отливъ ощутителенъ. Море изливаетъ изъ себя великое множество рѣкъ, и простираясь далѣе во внутренность земель, кругообращеніемъ своимъ образуетъ заливы и острова внутри холмовъ и горъ, равно какъ бы въ собственныхъ своихъ нѣдрахъ.

Совсѣмъ почти неизвѣстны первобытные жители Британніи. Коренные ли то были обитатели? или пришлецы изъ странъ чуждыхъ? Грубой народъ не можетъ рѣшить сего сомнѣнія. Племена, населяющія островъ, разнствуютъ между собою какъ видомъ, такъ и строеніемъ тѣла — а изъ сего и можно выводить ихъ происхожденіе. Пламенные

волосы Каледонянъ и высокой ихъ ростъ показываютъ поколѣніе Германцовъ. По оливковому цвѣту лица и извитымъ волосамъ Силуровъ, нетрудно узнать въ нихъ потомковъ Иберійскихъ. Обитатели страны, принадлежащей Галліи, почесться могутъ за Галловъ. Такое сходство происходитъ или отъ одинакаго поколѣнія, или отъ одинакаго климата. Вообще съ нѣкоторою вѣроятностію утвердить можно, что Галлы поселилися въ той странѣ, отъ которой отечество ихъ отдѣляется токмо проливомъ. Все благопріятствуетъ сей мысли: — чрезвычайное сходство въ языкахъ, одинакое богослуженіе, равномѣрная приверженность къ тѣмъ же суевѣріямъ, равная смѣлость при вызываніи непріятеля на ратоборство, равная робость при самомъ сраженіи. Но въ Британцахъ примѣтно болѣе свирѣп-

рѣпства, такъ что долговременный миръ и поднесь не всѣхъ ихъ привелъ въ изнеможеніе. Бытописанія изображаютъ Галловъ народомъ храбрымъ и воинственнымъ; но миръ и спокойствіе совсѣмъ ихъ ослабили — съ потерею свободы изчезла купно бодрость ихъ и мужество. Тоже воспослѣдовало съ Британцами, издавна скипетру Римскому покоренными: прочіе и донынѣ толико же храбры, колико прежде были Галлы.

Силы ихъ состоятъ въ пѣхотѣ; а нѣкоторые изъ сихъ народовъ употребляютъ также и колесницы. Знатнѣйшій правитъ конями, приверженные же къ его особѣ за него сражаются. Издревле повиновалися Британцы Государямъ: нынѣ раздѣлены между многими начальниками, честолюбіемъ и корыстію зараженными. Ничто не споспѣшествуетъ намъ толико къ обузданію столь

сильныхъ народовъ, какъ междоусобная ихъ распря. Рѣдко два или три округа соединяются купно противъ общаго непріятеля. Такимъ образомъ, сражаяся порознь, всѣ наконецъ побѣждаются. — Самая страна весьма дождлива и всегдашними покрыта туманами. Холодъ въ ней умѣренной; дни долѣе, нежели у насъ; ночи ясныя и на концѣ острова столь крашки, что между исходомъ и началомъ дня нѣтъ почти ощутительнаго промежутка. Утверждаютъ даже, что солнце тамо не восходитъ и не заходитъ; но что оно касается токмо горизонта, и что во всю ночь можно видѣть нѣкоторую часть его свѣта, лишь бы облака не мрачили онаго. Причиною сему то, что края земли по плоскости своей не могутъ далеко отбрасывать тѣнь, ниже ночь досязать неба и дѣлать примѣтнымъ

сіяніе звѣздъ. — Земля не произращаетъ ни оливковыхъ, ни виноградныхъ деревъ, и никакія произведенія теплыхъ странъ не растутъ на ней; впрочемъ обильно приноситъ плоды и хлѣбъ. Все родится здѣсь скоро, но поздо созрѣваетъ — сугубое дѣйствіе влажной земли и частыхъ дождей. Порождая въ нѣдрахъ своихъ золото, серебро и другіе металлы, вознаграждаетъ Британнія военныя наши издержки. Океанъ производитъ жемчугъ, но воды тусклой и синеватой. Думаютъ, будто сіе происходитъ отъ неискуства ловителей: вмѣсто того, чтобы отрывать отъ скалъ устерсъ живыхъ, какъ то дѣлается при ловлѣ на Чермномъ морѣ, они ожидаютъ, пока сами волны выбросятъ ихъ на берегъ. По моему мнѣнію, вѣрнѣе — въ жемчугѣ не достаетъ природнаго, нежели въ людяхъ корыстолюбія.

Бри-

Британцы снабдѣваютъ насъ войскомъ, платятъ подати, и другія государственныя тягости несутъ безъ ропоту, когда съ нашей стороны нѣтъ имъ притѣсненія. Пріобыкшіе уже къ повиновенію, но не къ рабству еще, чтутъ они власть, но не терпятъ злоупотребленія оной. Цесарь, первый изъ Римлянъ вступившій съ воинствомъ въ землю ихъ, посѣялъ повсюду страхъ удачною побѣдою и овладѣлъ берегомъ. Можно однакожъ сказать, что онъ проложилъ токмо дорогу къ покоренію сего острова. Вскорѣ междоусобныя брани вооружили полководцевъ нашихъ противъ отечества. Британнія оставалась въ забвеніи, въ забвеніи даже и посреди мира. Совѣтъ, данный Августомъ — не помышлять болѣе о новыхъ завоеваніяхъ — былъ закономъ при Тиверіи. Нѣтъ сомнѣнія, что Кали-

Калигула намѣревался самъ итти войною противъ Британцовъ; но легкомысленный сей Государь съ такою же скоростію оставлялъ свои предпріятія, съ какою начиналъ ихъ. Покушеніе его покорить Британнію, такъ какъ и ужасное ополченіе противъ Германцовъ — было тщетно и безуспѣшно. Произведеніе въ дѣйствіе сего подвига предоставлено было Клавдію; онъ отправилъ въ Британнію легіоны и вспомогательныя войска. Между прочими полководцами предводительствовалъ оными также Веспасіанъ, основавшій тогда будущее свое величіе. Покоренные народы, отягченные узами обладатели — возвѣстили свѣту, коль высокій жребій предопредѣленъ былъ Веспасіану.

Первый посланъ былъ въ Британнію начальникомъ Авлусъ Плавтій, а по немъ Осторій Скапула — мужи весь-

весьма искусные въ дѣлахъ ратныхъ. Ближайшая часть острова мало помалу обращена въ нашу область — и для избѣжанія неустройствъ, основано тамъ селеніе изъ старыхъ воиновъ. Нѣсколько округовъ дано Когидуну, единому изъ владѣтелей страны сея. Ибо Римская политика, для содержанія народовъ въ цѣпяхъ рабства, издавна употребляла къ тому, между прочими орудіями, собственныхъ ихъ Государей. Царь сей жилъ еще въ наше время, сохраняя всегда ненарушимую вѣрность къ Имперіи. Дидій Галлъ, преемникъ Скапулы, довольствуясь завоеваніями предшественниковъ своихъ, овладѣлъ не многими крѣпостцами; да и то для того токмо, чтобъ блеснуть распространеніемъ предѣловъ своей области. Вераній заступилъ его мѣсто; но по прошествіи невступно года умеръ.

Дву-

Двулѣтнее начальствованіе Светонія Павлина сопровождаемо было и храбростію и щастіемъ: — покорены новыя земли, заведено сильное въ крѣпостяхъ войско. Такой успѣхъ возродилъ въ немъ надежное желаніе — завладѣть островомъ Моною подъ предлогомъ, будто бы вспомоществовалъ онъ мятежникамъ. Но сей походъ подалъ поводъ къ возмущенію въ народахъ, позади его оставшихся.

Отсутствіемъ вождя ободренные Британцы начинаютъ разсуждать о тягости своего ига. Изображая живыми красками другъ предъ другомъ всю жестокость судьбы, ихъ подавляющей, ужаснымъ воспламеняются мщеніемъ. „Какіе плоды „вкушаемъ отъ долготерпѣнія? вѣ„щаютъ они: или еще надлежитъ „томиться въ узахъ неволи, и ожи„дать участи гораздо бѣдственнѣй„шей? Вмѣсто единаго Царя, прежде

„нами

„нами управлявшаго, порабощены
„нынѣ двумъ властителямъ: пра-
„вителю, сосущему изъ насъ кровь;
„прокуратору, пожирающему по-
„слѣднее у насъ пропитаніе. Ихъ
„согласіе, ихъ распря, равно для
„насъ пагубны. Тѣлохранители одно-
„го, сотники другаго, къ насилію
„присоединяютъ поруганія. Ничто
„не укрывается отъ алчности ихъ,
„ничто отъ звѣрскаго похотѣнія.
„На сраженіи, добычею робкаго обо-
„гащается мужественный. Но здѣсь,
„истлѣвшіе въ праздности, чуждые
„бодрости геройской Римляне похи-
„щаютъ у насъ собственность, отъ-
„емлютъ чадъ, избираютъ отлич-
„нѣйшихъ гражданъ на жертву крово-
„жаждущимъ своимъ предпріяті-
„ямъ, — гражданъ, какъ будто бы
„за отечество токмо не умѣющихъ
„положить животъ свой. . . Сбро-
„симъ съ очей мрачную завѣсу! . . .

„Коль

„Коль малочисленно чужестранное „войско въ сравненіи съ толикими „тьмами Бриганцовъ! Не сими ли „мыслями одушевленная Германія „расторгла узы рабства? Но чтожъ? „единая токмо рѣка служитъ ей „оградою; намъ, пространный Океанъ. „Вооружимся за вольность, за чадъ „нашихъ, за тѣхъ, кои жизнь намъ „даровали. Священный долгъ при„зываетъ насъ ко брани: Римляне „ополчаются изъ алчности къ рос„коши, изъ жадности къ корысти. „Потекутъ вспять подобно боже„ственному ихъ Юлію, когда бу„демъ столь же мужественны, какъ „предки, и когда небольшіе удары не „поколеблютъ нашея бодрости. Тер„зающія насъ люты бѣдствія до„вѣютъ содѣлать страшнѣйшими „первыя усилія наши, и упорство „гораздо жесточайшимъ. Сами боги „являютъ наконецъ состраданіе къ

„Британніи, удаливъ отъ насъ полко-
„водца Римскаго съ воинствомъ его
„въ другой островъ. Мы съ своей
„стороны самое важное уже
„исполнили — мы разсуждаемъ. Впро-
„чемъ, при такихъ разсужденіяхъ, обнаружить свои чувства —
„гораздо бѣдственнѣе самаго при-
„ступа къ настоящему дѣлу.„

Такими и подобными доводами воспламененные граждане, всѣ принимаются за оружіе, подъ предводительствомъ Воадики, жены Царскія породы: — ибо полъ между симъ народомъ не исключаетъ ни отъ трона, ни отъ начальства надъ войсками. Со всѣхъ сторонъ окружаютъ они ратниковъ, разсѣянныхъ по станамъ, занимаютъ укрѣпленія и нападаютъ на самое селеніе Римское, яко гнѣздо тиранства: не осталося ни единаго безчеловѣчія, яростію и побѣдою въ варварахъ пора-

ждемаго, коего бы не испытали на себѣ когда Римляне; и естьли бы Павлинѣ, при первыхъ извѣстіяхъ о возмущеніи, не поспѣшилъ тотчасъ на помощь, то Британнія была бы конечно оттортнута отъ Имперіи; но одержаніе единыя побѣды привело цѣлую область въ прежнее повиновеніе, хотя большая часть возмутившихся, чувствуя себя виновнѣе прочихъ, и потому страшась мщенія военачальника, не положила оружія. Правду сказать, Павлинъ, мужъ во всемъ другомъ отношеніи весьма почтенный, съ покоренными мятежниками поступалъ чрезвычайно жестоко, мстя притомъ и за личное себѣ оскорбленіе; а по сему и посланъ ему на смѣну Петроній Турпиліанъ, человѣкъ не столь жестокосердый. Не питая ничего личнаго противъ Британцовъ и снисходя ихъ раскаянію, удовольство-

вался онъ приведеніемъ въ спокойствіе области, и не покушаясь больше ни на что, поручилъ правленіе ея Требеллію Максиму. Требеллій, совсѣмъ неискусный въ военномъ дѣлѣ, былъ еще безпечнѣе; но умѣлъ содержать народъ въ повиновеніи снисходительнымъ управленіемъ. Самые наши пороки, представляясь въ привлекательномъ видѣ, начинали вкрадываться между Британцами; а возгорѣвшіяся тогда междоусобныя войны служили законнымъ извиненіемъ бездѣйствію начальника; — но раздѣленіе поселилося въ воинствѣ, когда ратники, къ походамъ пріобыкшіе, покоились въ нѣдрахъ праздности. Требеллій принужденъ былъ бѣжать и укрываться отъ ярости оныхъ; по томъ, обезчещенный и покрытый стыдомъ, представлялъ единую тѣнь правителя. Увѣряютъ

даже,

даже, что на нѣкоторомъ сѣздѣ начальникъ выговорилъ себѣ жизнь, а воинство всякую вольность. Возмущеніе сіе не обагрилося кровію. Векцій Боланъ, преемникъ его, при продолженіи междоусобія, не осмѣлился возстановить воинской порядокъ въ Британніи: — такое же было бездѣйствіе противъ возмутителей, такое же своевольство въ войскѣ, кромѣ того токмо, что Боланъ, человѣкъ безпорочный и никакой обидѣ непричастный, снискалъ себѣ, естьли не уваженіе, то по крайней мѣрѣ любовь.

При наступленіи кроткаго царствованія Веспасіанова въ Британніи, такъ какъ и въ остальной части вселенныя, — явились на семъ островѣ великіе полководцы, отборное воинство; — и надежда непріятелей начала изчезать. Внезапу, Петилій Церіалій посѣялъ повсюду

страхъ, осадивъ укрѣпленное селеніе Бригантовъ, многочисленностію своею славное въ цѣлой области. Многія происходили битвы, и не рѣдко кровопролитныя — и большая часть страны сея или покорена, или разграблена. Молва о доблестяхъ Церіаліевыхъ подавила бы тяжкимъ бременемъ всякаго другаго преемника; но Юлій Фронтинъ умѣлъ достойно поддержать такую тягость. Военачальникъ сей, мужъ весьма отличныхъ достоинствъ, порабопилъ побѣдоносному оружію своему Силуровъ — народъ сильный, воинственный, расположенный въ такой землѣ, гдѣ непроходимость мѣстъ не менѣе доставляла затрудненія, какъ и самое мужество обитателей.

Въ такомъ-то состояніи Британнію, въ такомъ-то положеніи воинственныя распоряженія обрѣлъ Агри-

Агрикола, прибывшій туда посреди лѣта. Силы наши, не надѣясь болѣе ополчаться, помышляли о спокойствіи; а непріятели располагали воспользоваться симъ случаемъ. Не задолго до пришествія Агриколы, Ордовики умертвили почти цѣлой корпусъ коннаго воинства, на жилища у нихъ расположившагося. Такое произшествіе пробудило всю область, горѣвшую нетерпѣніемъ свергнуть съ себя иго Римское: — нѣкоторые явно одобрили сей примѣръ; а другіе желали извѣдать прежде характеръ новаго полководца. Агрикола чувствовалъ, сколь нужно предупредить опасность наказаніемъ сего злодѣянія. Но колико предлежало препонъ тогдашнему ополченію! лѣто приближающееся къ концу своему, воинство разсѣянное по области, твердое его преднамѣреніе — покоиться симъ годомъ, мнѣніе

большей части чиновниковъ, довольствоваться поставленіемъ токмо стражи въ опасныхъ переходахъ: — все сіе не остановило однакожъ теченія военачальника. Отдѣливъ изъ каждаго полку по нѣскольку ратниковъ и присоединивъ къ нимъ вспомогательное войско, образовалъ онъ небольшой корпусъ; — и поелику Ордовики не дерзали появиться на равнинахъ, то, при безпрерывной готовности къ сраженію, занялъ онъ высоты, самъ предшествуя воинству и раздѣляя съ нимъ всѣ опасности, дабы собственнымъ примѣромъ влить въ каждаго свое мужество. При повсемстненномъ почти истребленіи, порабощенъ народъ сей совершенно. Агрикола, вѣдая, что по такомъ блистательномъ подвигѣ надлежитъ шествовать впередъ, и что сей первый успѣхъ оружія Римскаго рѣшитъ судьбу остальной

части

части Британніи, предпріялъ твердое намѣреніе покорить островъ Мону, оставленный Павлиномъ при всеобщемъ помянутомъ возмущеніи; — но при семъ отважномъ и дерзкомъ предпріятіи не доставало кораблей — благоразуміе и рѣшимость начальника послужили орудіемъ къ переправѣ. Между вспомогательными ратниками отобралъ онъ знатоковъ мѣстъ, въ бродъ переходимыхъ: — по отечественному обычаю пріучены они были къ переплыванію рѣкъ, одною рукою поддерживаясь, а другою управляя лошадью, обремененною снарядами: сему избранному воинству, оставя поклажу, повелѣваетъ переправляться. Непріятели совсѣмъ не воображали, чтобъ можно было осадить ихъ островъ иначе, какъ при помощи прилива, какъ съ флотомъ, или по крайней мѣрѣ съ судами. Въ трепетномъ изумленіи

признаютъ непобѣдимымъ воинство, для сраженія плаваніемъ черезъ моря переправляющееся. Они сдаютъ островъ и просятъ пощады. Агрикола увѣнчавается славою. Толь отличное вступленіе возродило глубочайшую къ нему почтительность, яко къ такому правителю, который въ то время, когда другіе пресыщаются великолѣпіемъ зрѣлищъ, или покоятся на лонѣ тщетныхъ похвалъ, въ то самое время предается трудамъ и опасностямъ. При столь щастливыхъ успѣхахъ, Агрикола не токмо не показалъ тщеславія, но еще настоялъ, что слабыя его усилія, для порабощенія покоренныхъ уже народовъ предпринятыя, не могутъ вмѣниться ни въ походъ, ни въ побѣду. Онъ не послалъ даже въ Римъ побѣдоносныхъ знаковъ, по тогдашнему обычаю. Но самою сею скромностію

при-

придалъ гораздо большій блескъ славѣ своей. Какихъ чудесъ можно отъ него надѣяться, восклицали тогда, естьли и такіе подвиги предаетъ онъ безмолвію!

Напослѣдокъ, зная нравы народные, и въ то же время опытомъ своихъ предшественниковъ наученный, что побѣды ничего не значатъ, естьли покоренный народъ стонетъ подъ тягостію обидъ, вознамѣрился Агрикола, дойдя до самаго корня зла, изпребить причины возмущенія. Такимъ образомъ, начиная съ самаго себя и съ приближенныхъ своихъ, устроилъ вопервыхъ собственной домъ — дѣло не меньше трудное для большей части правителей, какъ и самое распоряженіе областію. Рабы и прислужники его совсѣмъ не смѣли мѣшаться въ отправленіе дѣлъ публичныхъ. Въ войскѣ самыя малыя повышенія производились не по частнымъ

нымъ какимъ либо стараніямъ и прозьбамъ, ниже по особеннымъ отзывамъ чиновниковъ; но взирая единственно на доброе поведеніе, такъ что человѣкъ хорошихъ качествъ признаваемъ былъ вмѣстѣ и самымъ достойнымъ довѣренности. Все вѣдать, но не все выполнять; извинять малыя погрѣшности, и взыскивать строго большія; и не всегда мщеніемъ, но иногда раскаяніемъ довольствоваться; любить лучше предупреждать, нежели наказывать неисправности, и потому раздавать мѣста и должности людямъ непричастнымъ преступленію. . . . вотъ правила Агриколы. Возвышеніе хлѣбной и прочихъ податей умѣлъ онъ смягчить приличнымъ разравненіемъ и конечнымъ истребленіемъ прицѣпокъ мздоимства, бывшихъ тягостнѣе и самыхъ налоговъ. Насмѣшки и наглости сіи простирались до того,

что

что земледѣльцы принуждены были ждать при врашахъ закромовъ продажи собственнаго хлѣба, и перепродавать его по томъ съ накладомъ, Каждому селенію — вмѣсто того, чтобъ снабжать содержаніемъ войско, вблизи онаго расположенное — назначалося доставлять запасъ въ мѣста запруднительнѣйшія и по отдаленности своей, и по испорченнымъ дорогамъ; поелику въ противномъ случаѣ, при всеобщей удобности изчезли бы корыстолюбивые замыслы нѣкоторыхъ частныхъ людей.

На первомъ еще году начальства своего, искорененіемъ такихъ злоупотребленій Агрикола вѣнчалъ миръ славою и честію. Источникъ сей народнаго спокойствія, или отъ невниманія, или отъ послабленія предшественниковъ его, до толикаго доведенъ безславія, что не меньше и самой войны былъ страшенъ. По на-

ступленіи лѣта, полководецъ явился на ратномъ полѣ, самъ предводительствуя воинствомъ. Въ походахъ ободрялъ онъ ревностныхъ исполнителей должности, усмирялъ нерадивыхъ и развращенныхъ; самъ избиралъ мѣста для разбитія становъ; самъ лично извѣдывалъ лѣса и болота, — нанося въ то же время знатный уронъ непріятелю внезапнымъ повсюду нападеніемъ. А посѣявъ ужасъ, старался паки показать мягкосердіе пощадою обитателей, желая чрезъ то приманить ихъ къ любленію мира. Въ слѣдъ за такимъ поведеніемъ пришли въ подданство многія селенія, Риму враждебныя и доколѣ независимыя. Они представили заложниковъ; — и Агрикола для содержанія ихъ въ надлежащемъ повиновеніи, построилъ крѣпости и снабдилъ оныя сберегательнымъ войскомъ, устроивъ все сіе съ то-

толикимъ стараніемъ и расторопностію, что никакое извѣстное въ Британніи мѣсто не было подвержено опасности при случаѣ непріязненныхъ возмущеній.

Наступившая зима проведена въ предначертаніяхъ самыхъ выгодныхъ. Для пріученія сего разсѣяннаго, грубаго и потому кровожаждущаго народа, къ покою и праздности приманкою сластолюбивыхъ удовольствій — не переставалъ увѣщевать его Агрикола къ построенію домовъ, храмовъ и обдѣланію мѣстъ, вспомоществуя притомъ публично и поощряя къ тому дѣятельность одобреніемъ, а неповоротливыхъ упреками. Такимъ образомъ порывистое честолюбіе занимало мѣсто властительныхъ повелѣній. Онъ особенное прилагалъ попеченіе о воспитаніи юныхъ отраслей знатнѣйшихъ Британцовъ, увѣряя притомъ, что та-

лан-

ланты ихъ превосходнѣе обработанныхъ способностей Галловъ. Поощреніе сіе столь было успѣшно, что самые ненавистники языка нашего желали пріобрѣсти краснорѣчивое на немъ изъясненіе. Непосредственно за симъ пришла честь на Римское платье — тога сдѣлалась употребительною одеждою. Вскорѣ по томъ предались они нашей роскоши, введя въ обычай мыльни, великолѣпные переходы, пышность пировъ и вообще все то, что вредя, нѣжитъ нравы; — и сіе-то легкіе умы именовали образованіемъ, въ самомъ же дѣлѣ служило оно къ большему токмо порабощенію.

Предпріятые въ третій годъ походы новою вѣнчали славою оружіе Римское — тогдашнія его опущенія простирались до самаго устья рѣки Тайя. Поверженные въ ужасъ непріятели, не смотря на

уронъ

уронѣ воинства нашего, бурною непогодою нанесенный, не дерзали вредить ему нападеніемъ, и даже давали досугъ къ возвышенію крѣпостей. Замѣчено людьми опытными, что никто лучше и удобнѣе Агриколы не избиралъ положенія мѣстъ, такъ что ни единая по велѣнію его выстроенная крѣпость не была въ послѣдствіи времени подвержена ни осадѣ, ни здачѣ непріятелямъ бѣгствомъ, или уступкою. Оберегательныя въ нихъ войска производили часто вылазки, а зиму провождали въ безопасности, не страшась продолжительной осады, снабдѣны будучи запасомъ на круглой годъ. Непріятель, пріобыкшій лѣтній уронъ вознаграждать зимнею удачею, впалъ въ совершенное отчаяніе. — покушенія его оставались безуспѣшными повсюду и во всякое время года. — Агрикола никогда не умалялъ

лялъ славы чиновниковъ въ достойныхъ ихъ подвигахъ. Всякой, кто бы ни отличился, обрѣталъ въ особѣ его непреложнаго свидѣтеля своей доблести. Нѣкоторые упрекали его ѣдкостію въ словахъ, при дѣланіи выговоровъ: — въ самомъ дѣлѣ, колико любезенъ былъ онъ къ добрымъ, толико же не благосклоненъ къ злымъ людямъ. Впрочемъ, гнѣвъ его никогда не растворялся желчію, но выливался весь наружу. Не надлежало опасаться, чтобъ больше у него было на сердцѣ, нежели на языкѣ. Онъ поставлялъ за правило, что честнѣе оскорбить, нежели ненавидѣть.

Четвертое лѣто прошло въ порабощеніи округовъ, единственно набѣгами доселѣ изнуряемыхъ; — и естьли бы храбрость воинства, естьли бы слава имени Римскаго то допустила — въ нѣдрахъ Британніи обрѣте-

тено мѣсто, способное къ утвержденію границъ Имперіи. Оно раздѣляетъ два большіе залива: одинъ подавшійся къ Глотѣ, а другой къ Бодотріи. Для обезпеченія сего перешейка заложены тутъ крѣпости. Римляне владѣли всѣми берегами по сю сторону; а непріятели стѣснены были, казалося, на другомъ островѣ.

Въ пятое лѣто, военачальникъ водимый тѣмъ же мужествомъ, проникъ далѣе во внутренность страны сея, и усмирилъ совершенно новые неизвѣстные дотолѣ народы, нанеся имъ съ великимъ успѣхомъ многократныя пораженія. Въ странѣ, прилежащей Гиберніи, расположилъ воинство — больше надежды ради, нежели страха. Да и въ самомъ дѣлѣ, островъ сей, лежащій между Британніею и Испаніею и сопредѣльный морю, омывающему Галлію, сей

самый островъ съ пользою могъ бы служить складкою товаровъ и срединою торговли тремъ онымъ богатымъ областямъ Имперіи. Гибернія пространствомъ своимъ обширнѣе всякаго другаго острова на нашемъ морѣ, но меньше Британніи. Впрочемъ сходствуетъ съ нею во многомъ: пошва земли, воздухъ, способности и обычаи жителей почти тѣ же самыя. Внутренность острова весьма мало извѣдана — по торговому съ ними сообщенію, намъ свѣдомы больше берега и пристани. — Одинъ изъ малыхъ владѣтелей сего народа, изгнанный внутреннимъ въ странѣ своей возмущеніемъ, снискалъ убѣжище у полководца Римскаго. Сей, подъ личиною дружелюбія, сберегалъ его на нужный случай. Не однократно слыхалъ я отъ Агриколы, что для покоренія и удержанія за собою Гиберніи, довлѣетъ

еди-

единаго легіона съ небольшимъ вспомогательнымъ отрядомъ. Онъ присовокупилъ, что побѣда сія обезпечила бы купно порабощеніе Британніи: при видѣ со всѣхъ сторонъ оружія Римскаго изчезло бы у ней всякое на вольность упованіе.

Въ слѣдующее лѣто, при начинающемся шестилѣтіи правленія Агриколина, по полученіи извѣстія о повсемственномъ возмущеніи народа, обитающаго при брегахъ Бодотрскаго залива — для избѣжанія внезапнаго нападенія, отряжается по велѣнію его часть новаго флота ради предварительнаго свѣденія о областяхъ непріятельскихъ. Шествіе его представляло тогда зрѣлище великолѣпное и привлекательное. Два воинства, мещущія громы и по сушѣ и по водамъ, составляли, казалось, нѣкую гармонію. Не рѣдко соединенные во единъ станъ пѣшіе

и конные и морскіе воины, предавшись радостнымъ восторгамъ, тщеславились своими приключеніями, своимъ ратоборствомъ. Съ обыкновеннымъ воинскимъ хвастовствомъ дѣло шло, то о дремучихъ лѣсахъ и горахъ неприступныхъ, то о буряхъ и страшномъ волненіи. Одинъ выставлялъ себя побѣдителемъ на сушѣ, другой на морѣ. Приближеніе флота, по словамъ плѣнныхъ, привело Британцовъ въ ужасное смятеніе. Открытіемъ моря сего, доселѣ никому еще неизвѣстнаго, послѣднее отнималось у нихъ убѣжище при случаѣ бѣдственнаго пораженія. Такимъ образомъ — при единственной надеждѣ на мужество и оружіе — народъ, населяющій Каледонію, собираетъ великія силы. Молва, усугубляющая обыкновенно неизвѣстные предметы, болѣе и болѣе увеличиваетъ оныя. Намѣреніе ихъ — дѣй-

ство-

ствовать наступательно и осадить крѣпости — повергло насъ въ новой трепетъ, такъ что нѣкоторые изъ робкихъ воиновъ, подъ личиною благоразумія, совѣтовали возвратишься во своясы — и не дожидаясь пораженія, отдѣлаться искуснымъ отступленіемъ. Между тѣмъ получаетъ полководецъ извѣстіе, что нападеніе послѣдуетъ вдругъ съ разныхъ сторонъ — и, чтобъ не быть жертвою непріятеля, и многочисленностію, и знаніемъ мѣстъ насъ превосходящаго, раздѣляетъ воинство на три части и самъ съ ними шествуетъ.

Британцы, увѣдавъ о семъ, перемѣняютъ намѣреніе, и соединенными силами устремляются на девятой отрядъ, яко слабѣйшій между всѣми. При благопріятной помощи ночныя темноты, сна и трепетнаго безпорядка умерщвляютъ они

стражу и прорываются въ самой станъ. Уже внутренность онаго учиняется театромъ сраженія, какъ Агрикола, по донесенію лазутчиковъ, шествующій по слѣдамъ непріятельскимъ, повелѣваетъ отличнымъ наѣздникамъ и скоротечнымъ пѣшеходцамъ зайти въ тылъ сражающимся, и, вскорѣ по томъ, цѣлому воинству испустить разительной вопль. Восходящее солнце освѣтило знамена. Британцы вострепетали при видѣ непріятелей, съ двухъ сторонъ ихъ окружающихъ: Римляне оживотворяются бодростію, и, будучи внѣ опасности, сражаются ради славы, и нападаютъ на нихъ наступательно, — и се при самыхъ вратахъ происходитъ кровавая битва. Движимые честію оба наши отряды силились показать: одинъ, что пособіе его необходимо; другой, что не было въ томъ нужды. Кратко ска-

сказать, непріятель опрокинутъ; и побѣда сія безъ сомнѣнія была бы рѣшительною, естьлибъ болота и лѣса не послужили убѣжищемъ остальнымъ силамъ Британскимъ.

Толь щастливые доспѣхи порождаютъ въ воинствѣ чрезмѣрное на себя упованіе: нѣтъ никакой препоны нашему мужеству — восклицаютъ они; надлежитъ ворваться во внутренность Каледоніи, и при безпрерывномъ пораженіи непріятелей, дойти до самаго конца Британніи. Тѣ самые, кои были вчера столько осторожны, столько благоразумны; тѣ самые съ великимъ жаромъ выставляли теперь свое мужество, свою рѣшимость. Толикое неправосудіе владычествуетъ въ дѣлахъ ратныхъ! Благопріятные успѣхи присвоятъ себѣ каждый; нещастіе возлагается на единаго. — Между тѣмъ Британцы, приписывая такое пораженіе не

храбрости Римскихъ воиновъ, а единственно случаю и личному искусству Полководца, не токмо не уменьшаютъ высокомѣрія, но еще вооружаютъ юныхъ своихъ соотечественниковъ, отводятъ въ безопасныя мѣста женъ и дѣтей, и въ общихъ собраніяхъ, при торжественномъ жертвоприношеніи, ухищряютъ новый заговоръ. При наступающей зимѣ оба воинства разошлись по своимъ мѣстамъ, пылая мщеніемъ другъ ко другу.

Въ то же время толпа Узипіянъ, набранныхъ въ Германіи, негодуя на перемѣщеніе свое въ Британнію, дерзнула на важное злоумышленіе. По умерщвленіи начальника и Римскихъ воиновъ, бывшихъ между сими новобранцами, для пріученія ихъ къ военнымъ упражненіямъ, овладѣли они тремя фрегатами, удержавъ насильственною рукою кормчихъ тутъ находившихся. Бѣгство

еди-

единаго изъ сихъ нещастныхъ привело въ подозрѣніе двухъ прочихъ, и стоило имъ жизни. Все таилось еще подъ спудомъ неизвѣстности — какъ вдругъ, подобно нѣкоему чуду, три судна начали удаляться отъ берега и пускаться въ море. Бросаемыя волнами туда и сюда, приставали они въ разныхъ мѣстахъ къ острову, и сражались съ Британцами, не попускающими себя ограбить; — часто были побѣдоносны, а иногда прогоняемы; — наконецъ, недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ довелъ ихъ до того, что принуждены были пожирать прежде слабѣйшихъ между собою, по томъ каждаго, на кого токмо падалъ нещастный жребій. Объѣхавъ такимъ образомъ Британнію, пристали къ берегамъ Германскимъ, гдѣ по неискусству въ кораблеплаваніи суда ихъ сѣли на мѣль. Они признаны были за морскихъ раз-

бой-

бойниковъ — и захвачены Свевами и Фризіанами. Нѣкоторые изъ нихъ, будучи продаваемы и перепродаваемы, такъ какъ невольники, приведены въ нашу сторону, и повѣствованіемъ своихъ приключеній выдали себя за людей весьма странныхъ. Весною пораженъ былъ Агрикола семейственнымъ нещастіемъ, лишившись однолѣтняго сына. При семъ огорченіи не зрѣлося въ немъ ни горделивой, толь многимъ героямъ свойственной нечувствительности, ни женоподобнаго плача и рыданія — воинскія попеченія развлекали его прискорбіе.

Напередъ отправляется флотъ съ повелѣніемъ сдѣлать высадки въ разныхъ мѣстахъ, дабы повсемственнымъ на непріятелей нашествіемъ посѣять повсюду страхъ, повсюду неизвѣстность. Въ слѣдъ за нимъ двинулся военачальникъ съ сухопутны-

ными силами, къ коимъ присоединено было довольное число Британцовъ отличныхъ мужествомъ, и по долговременному повиновенію въ вѣрности испытанныхъ. Онъ достигаетъ горы Грампійской, которую обѣзжали непріятели. — Сказано было, что первое пораженіе не уменьшило ихъ рѣшимости. Принявъ твердое намѣреніе, или отмстить Римлянамъ, или пасть подъ иго ихъ, напослѣдокъ уразумѣваютъ, что единодушіе токмо довлѣетъ отвратить отъ нихъ предстоящую гибель. На сей конецъ посредствомъ посольствъ, посредствомъ разныхъ сношеній, приводятъ въ движеніе силы во всѣхъ своихъ областяхъ. Уже воинство ихъ простирается болѣе тридцати тысячь вооруженныхъ; но сего не довольно: цѣлыми толпами ежедневно стекаются къ нимъ юноши, и несогбенные подъ бременемъ лѣтъ старцы, и

укра-

украшенные отличными знаками за заслуги и подвиги знатные во бранѣхъ воины. Все сіе многочисленное сонмище съ нетерпѣніемъ порывалося вступить въ бой — и Галгакъ, превосходящій прочихъ полководцевъ и мужествомъ и породою, вѣщалъ къ нимъ тако:

„Чѣмъ болѣе разсматриваю вину „настоящаго сраженія, чѣмъ живѣе „представляю себѣ плачевное наше „состояніе; тѣмъ скорѣе, тѣмъ на„дежнѣе полагаюсь на тѣсное едино„душіе ваше — и можетъ быть день „сей будетъ днемъ освобожденія цѣ„лой Британніи изъ подъ ига ти„ранскаго. Никогда не были мы под„вержены сему несносному порабо„щенію — вы то вѣдаете; — вѣдаете „и то, что нѣтъ земли далѣе земли „нами населяемой; — самое море, при „угрожающей опасности отъ флота „Римскаго, не можетъ болѣе слу-

„жить

„жить намъ убѣжищемъ. И такъ
„предлежитъ единственное упова-
„ніе на ратоборство и оружіе; —
„и что у людей мужественныхъ по-
„читается за честь, то робкимъ
„да послужитъ въ безопасность.
„При происходившихъ доселѣ съ
„обоюднымъ успѣхомъ щастія
„сраженіяхъ, надежда и цѣлость
„всего отечества на насъ была воз-
„лагаема. Да какъ тому и быть
„иначе? — когда мы отличенные
„благородствомъ отъ всѣхъ про-
„чихъ соотечественниковъ, мы симъ
„почтеннымъ титломъ собраны въ
„нѣдра Британніи — сюда, гдѣ, въ
„отдаленіи отъ иноземныхъ, подъ
„игомъ неволи стенящихъ народовъ
„самые взоры наши не помрачены
„ужасами рабства. Обитая на краю
„вселенныя, въ послѣднемъ убѣ-
„жищѣ вольности — до сего самаго
„времени спасала насъ и отдален-

„ность

„ность жилищѣ, и молва, ложная
„цѣнительница великости незнае-
„мыхъ предметовъ. Но теперь пре-
„дѣлы Британніи извѣстны: здѣсь
„кончится обитаемый міръ; а тамъ —
„тамъ представляются токмо вол-
„ны и каменные утесы — Римляне
„въ нѣдрахъ нашего отечества.
„Тщетно, скромнымъ повиновеніемъ
„ласкаться — смягчить тиранство
„сихъ горделивцовъ. Рожденные на
„опустошеніе вселенной, они содѣ-
„лали ее театромъ грабежа и раз-
„боевъ: мало для нихъ земли — они
„преплываютъ моря. Всякой народъ
„ихъ непріятель: богатъ ли онъ?
„сребролюбствуютъ; бѣденъ ли? вла-
„стительствуютъ. Ни западъ, ни
„востокъ не силенъ насытить не-
„помѣрную ихъ жадность. Един-
„ственное изчадіе въ родѣ человѣ-
„ческомъ! — равномѣрно завист-
„ными очами взираетъ оно и на
„со-

„сокровища и на убожество. Ограбить, умертвить, похитить, на „ихъ лживомъ языкѣ значитъ владычествовать; а совершенное опустошеніе области именуется у нихъ — „мирнымъ спокойствіемъ.

„Сама природа вліяла въ человѣковъ нѣжныя чувствованія любви „къ дѣтямъ и сродникамъ. Повсюду, „гдѣ токмо Римъ владычествуетъ — „разсылаются они въ рабство по „землямъ чуждымъ. Коликократно „сестры и супруги ваши въ продолженіе войны подверглись скотскому любострастію непріятелей: — „развратители, подъ личиною дружбы, наносятъ имъ безчестіе. Имущество ваше похищается на подать, „хлѣбъ на содержаніе войскъ; самыя „лѣсныя силы истощеваются „при прочищеніи лѣсовъ и изсушеніи болотъ; и какаяжъ за то награда? — поруганія токмо и на-

„казанія. Осужденные породою на „рабство, продаются единожды, и „пропитаніе получаютъ отъ владѣ„телей. Британнія ежедневно поку„паетъ себѣ неволю, ежедневно кор„митъ своихъ властителей. Яко „недавно купленный невольникъ бы„ваетъ жертвою насмѣшекъ цѣлаго „семейства и игралищемъ даже и „самыхъ рабовъ: тако и мы — вновь „присоединившись къ древнему пора„бощенію вселенныя — стонать бу„демъ подъ бременемъ укоризнъ и „несноснаго поруганія. — Но что я „говорю? — насъ увлекутъ въ запо„ченіе: да и что довлѣетъ склонить „ихъ къ пощадѣ? — Нѣтъ въ землѣ „нашей ни полей, ни рудниковъ, ни „пристаней, къ обдѣланію коихъ „можно бы было насъ употребить. „Сверьхъ того, властолюбцы взи„раютъ всегда ненавистнымъ окомъ „на подданныхъ великаго духа,

„не-

„неудобопреклонныхъ къ раболѣп-
„ству; а удаленныя сіи убѣжища —
„чѣмъ для насъ безопаснѣе, тѣмъ
„для нихъ подозрительнѣе. И такъ,
„не предвидя никакой надежды къ
„пощадѣ, вооружитесь наконецъ му-
„жествомъ, и вы сыны чести, и
„вы любители жизни. Бриганты, подъ
„предводительствомъ жены, обра-
„тили въ пепелъ селеніе Римское,
„завладѣли укрѣпленіями онаго; и
„естьлибъ не воздремали на лонѣ
„щастія, то можетъ быть свергли
„бы съ себя иго совершенно. А мы,
„мы чуждые неволи и издревле пріі-
„обыкнувъ къ независимости, не уже
„ли не покажемъ при самомъ пер-
„вомъ сраженіи, какихъ мужей из-
„брала Каледонія для защищенія
„свободы?

„Или мните вы, что толикое же
„мужество одушевляетъ Римлянъ
„на войнѣ, какимъ сластолюбіемъ

„пресыщаются они посреди мира? „Озрянсь нашимъ несогласіемъ, на„шими раздорами; погрѣшности не„пріятелей вмѣняютъ въ собствен„ную славу. Воинство ихъ есть „скопище разныхъ народовъ; у коихъ „нѣтъ ничего общаго: — успѣхи дер„жатъ его въ соединеніи; неудача „разорветъ оное. Да и можно ли по„думать; чтобы Галлы, Германцы, „и — я стыжусь сказать — чтобы „большая часть Британцовъ, за „возстановленіе чуждаго владыче„ства кровь свою лiющихъ, искренне „привержены стали къ той власти, „которой долѣе были врагами, неже„ли невольниками? Нѣтъ. — Страхъ и „ужасъ токмо налагаетъ на нихъ „оковы повиновенія; но сильны ли они „надъ сердцами? Расторгни еди„ножды хрупкую сію цѣпь; и тогда „мѣсто трепета заступитъ явная „ненависть. На нашей сторонѣ со-

„еди-

„единяются всѣ побужденія; побу-
„жденія, удобныя возродить герой-
„ство. — Нѣтъ у Римлянъ ни женъ,
„кои бы ихъ воспламеняли; ни роди-
„телей, коихъ бы упрековъ опасать-
„ся надлежало при случаѣ робости;
„и у большей части — или совсѣмъ
„нѣтъ отечества, или весьма дале-
„ко отсюда. Трепетная неизвѣст-
„ность преслѣдуетъ повсюду мало-
„численное ихъ воинство: при воз-
„зрѣніи на море, на лѣса, на самое
„небо — объемлетъ ихъ страхъ и
„ужасъ. Не очевидно ли явствуетъ,
„что сами боги предаютъ намъ ихъ
„на жертву — при такомъ стѣсне-
„ніи — какъ будто бы уже побѣжден-
„ныхъ? Да не ужасаетъ васъ пустая
„наружность; — дорогіе тѣ, блескъ
„оружію ихъ придающіе металлы не
„могутъ ни защищать, ни вредить.
„Въ самой срединѣ непріятельскаго
„стана обрящемъ воиновъ съ нами

„единодушныхъ. Британцы по-
„знаютъ, что вина сраженія нашего
„есть имъ общая; Галлы приведутъ
„себѣ на память первобытную воль-
„ность; оставятъ ихъ прочіе Гер-
„манцы, подобно какъ Узипіане не-
„давно удалились. Чегожъ намъ бо-
„лѣе страшиться? — Не уже ли крѣ-
„постей безъ защитительнаго войска,
„или селеній стариковъ дряхлыхъ,
„или тѣхъ ветхихъ городовъ, въ
„коихъ недостатокъ въ повиновеніи
„между подчиненными, и духъ дес-
„потизма между правителями, пи-
„таютъ пламя раздѣленія? Здѣсь
„взору вашему представляется Рим-
„ской полководецъ, здѣсь все его
„воинство: тамъ стонетъ народъ
„подъ бременемъ излишнихъ нало-
„говъ, рудокопной работы и всѣхъ
„тяжкихъ наказаній рабства. Пре-
„будутъ ли злоключенія сіи вѣчными,
„или прервемъ теченіе ихъ скорымъ

„мще-

„мщеніемъ — рѣшитъ наступающее „сраженіе. И такъ, вступая въ бой, „припомните своихъ предковъ, по„мыслите о потомствѣ.„

Рѣчь сія принята была съ пѣніемъ по обыкновенію варварскому, и разногласными шумными кликами. Уже воинство ихъ готовилось ко брани и блистало оружіе отважнѣйшихъ, впередъ выдававшихся ратниковъ; уже Римлянъ не меньшее подстрекало рвеніе вступить въ бой, какъ Агрикола — хотя многаго стоило ему труда удержать такую стремительность — произнесъ предъ ними слѣдующее привѣтствіе: „Осьмое наступило лѣто, любезные „сподвижники, какъ подъ сѣнію „благотворнаго покрова и непобѣ„димаго Генія Имперіи Римской, „трудимся мы съ такимъ усердіемъ „и неутомимостію надъ покоре„ніемъ Британніи. Для толикихъ по-

„ходовъ, для толикихъ сраженій „требовалось больше, нежели храб„рости. Мало было побѣждать лю„дей: надлежало пропивоборство„вать нѣкоторымъ образомъ самой „природѣ терпѣливостію и подви„гами; — и никогда не раскаявался „я, предводительствуя вами, ни вы, „повинуяся мнѣ. Такимъ образомъ „простирая завоеванія далѣе своихъ „предшественниковъ, не по ложному „какому либо слуху, или пустой „молвѣ, но съ оружіемъ въ рукахъ „и военнымъ расположеніемъ, обла„даемъ краями Британніи. Обрѣтенъ „наконецъ новой свѣтъ и покоренъ. „При сихъ тяжкихъ походахъ, когда „съ толикимъ трудомъ проходили вы „горы, озера и рѣки — часто слышалъ „я мужественныхъ ратниковъ, та„ко говорящихъ: *Когда-то дойдетъ „дѣло до сраженія? когда-то явятся „непріятели?* — И се они предъ вами, „при-

„принужденные изыти изъ своихъ
„убѣжищъ. Поле открыто вашему
„мужеству: еще побѣда — и все по-
„вергнется къ стопамъ вашимъ. —
„Но колико препонъ для побѣжден-
„ныхъ? Славно — безъ сомнѣнія пре-
„одолѣть толь многотрудный путь;
„достохвально — пробраться сквозь
„дремучіе лѣса и пройти трясучія
„болота. При случаѣ же побѣга, все,
„что ни увѣнчаетъ теперь доспѣ-
„хи наши, послужитъ въ непрелож-
„ную гибель. — Непріятель превос-
„ходитъ насъ и знаніемъ страны,
„и изобиліемъ въ съѣстныхъ при-
„пасахъ: но намъ, въ замѣну всего,
„да послужатъ мышцы и оружіе.
„Что касается до меня, я всегда въ
„томъ былъ увѣренъ, что воинство,
„что военачальникъ, обращающіеся
„въ тылъ, подвергаются величай-
„шимъ опасностямъ. Не буду на-
„поминать вамъ, что честь дороже

„ самой жизни — здѣсь жизнь не-
„ разлучна съ честію ; и естьли над-
„ лежитъ пасть на ратномъ полѣ,
„ то предпочтительнѣе умереть на
„ краю вселенныя.

„ Когда бы надлежало ополчать-
„ ся противъ новыхъ народовъ, про-
„ тивъ неизвѣстныхъ непріятелей :
„ тогда предстояло бы мнѣ убѣж-
„ дать васъ примѣрами чуждыхъ во-
„ инствъ. Но теперь, на себя самихъ
„ обратитесь, собственные подвиги
„ изчислите, собственныя очи во-
„ просите! Се остатки того войска,
„ кое въ прошлое лѣто, покусившись
„ ночною темнотою внезапно на от-
„ рядъ нашъ, разсѣяно единымъ ва-
„ шимъ крикомъ! Се самые робкіе
„ между Британцами, жизнію своею
„ единственно скорому побѣгу одол-
„ женные! Подобно какъ при звѣри-
„ ныхъ въ лѣсахъ поискахъ, силь-
„ ныя животныя умерщвляются,

„ за-

„защищаясь; слабыя и боязливыя
„тотчасъ обращаются въ бѣгство,
„при единомъ шорохѣ ловителей: —
„шако, отличнѣйшіе во бранѣхъ ме-
„жду Британцами давно уже пали
„подъ мечемъ вашимъ — избѣжала
„его токмо сія подлая и трепещу-
„щая чернь. Обрѣтая наконецъ ихъ
„соединенными, да не помыслитъ
„кто между вами, будто бы нароч-
„но собрались они противоборство-
„вать. — Нѣтъ; вы сами ихъ на-
„стигли: — въ изумленіи и безъ вся-
„кой надежды, оцѣпенѣвъ отъ ужа-
„са, пребываютъ они почти непо-
„движными въ сихъ мѣстахъ, какъ
„будто бы въ намѣреніи доставить
„вамъ торжественную и преславную
„побѣду. Положите единый конецъ
„войны сея; увѣнчайте достопамят-
„нымъ днемъ пятидесятилѣтніе
„подвиги; докажите опытно рес-
„публикѣ, что воинство не было

„ви-

„виною, ни столь медленнаго за-
„воеванія Британніи, ни столь ча-
„стыхъ возмущеній побѣжденныхъ.„

Въ продолженіе рѣчи Агриколовой, на лицахъ ратниковъ изображалось порывистое желаніе вступить въ бой; а конецъ оной сопровождаемъ былъ радостными кликами. Во исступленіи и запальчивости, тотчасъ бросились къ оружію, въ готовности напасть на непріятелей. Полководецъ поставилъ въ срединѣ вспомогательную пѣхоту, до осьми тысячь простирающуюся; а по сторонамъ ея три тысячи конницы. Легіоны служили оплотомъ, не столько для пощады крови Римской, сколько для приданія большаго блеску побѣдѣ, и для надежнаго пособія при обращеніи въ тылъ войскъ вспомогательныхъ. — Пѣхота Британская, расположенная по высотамъ, представляла великолѣпное вкупѣ и

спраш-

страшное зрѣлище. Первой рядъ стоялъ при подошвѣ холма; а другіе, устроенные ввыспрь по отлогости онаго, возвышались на подобіе амфитеатра. Колесницы ихъ и конница занимали пространство, раздѣляющее оба воинства, и съ великимъ шумомъ разъѣжжали повсюду. Агрикола, при превосходномъ числѣ непріятеля, опасаясь быть окруженнымъ съ боковъ, разширилъ передовое войско. Большая часть чиновниковъ, представляя вождю, что такимъ распространеніемъ приведется оно въ слабость, совѣтовали ему подвинуть впередъ легіоны: — но питаясь надеждою, и не колеблясь затрудненіями, отринулъ онъ такое предложеніе, и отославъ лошадь, самъ сталъ предъ знаменами.

Сначала происходило сраженіе издали. Британцы, по рѣшимости и искуству, не взирая на невыгоду длин-

ныхъ

ныхъ палашей и малыхъ щитовъ, умѣли отражать стрѣлы, укрываться отъ оныхъ, да и сами наносили великіе удары. Агрикола возбуждаетъ честолюбіе въ трехъ толпахъ Батавовъ и другихъ Тонгрскихъ, повелѣвая имъ сражаться на штыкахъ. То были старые воины, пріобыкшіе къ такому рашоборству, весьма невыгодному для Британцовъ. Сіи послѣдніе, при малыхъ щитахъ, съ весьма длинными тупоконечными саблями не могли выдержать нападенія непріятеля, и правильно вооруженнаго, и вблизи ихъ настигающаго. При удвоенныхъ такимъ образомъ Батавскаго воинства ударахъ, при разбитіи щитовъ и нанесеніи тяжкихъ ранъ, начали они подаваться назадъ и взбираться на холмъ въ военномъ боевомъ порядкѣ. Другіе наши полки, изъ поревнованія, нападаютъ на нихъ съ великою запальчивостію, умерщвляютъ

вляютъ всѣхъ попадающихся на встрѣчу; и въ нетерпѣливой поспѣшности побѣдить, оставляютъ большую часть полумертвыми, а нѣкоторыхъ даже и нераненными. Между тѣмъ, колесницы и непріятельская конница во весь опоръ поспѣшаютъ на помощь пѣхотѣ, и врубаются въ средину сраженія; — но вскорѣ изчезъ нанесенной ими ужасъ. Сближеніе отрядовъ нашихъ и неровность земли возпрепятствовали имъ податься впередъ; — да и нападеніе ихъ совсѣмъ не походило на нападеніе конницы. Оцѣпенѣвъ отъ страха, и сами ратники, и лошади ихъ прогнаны были нашею пѣхотою. По разнымъ мѣстамъ, колесницы безъ вождей, лошади безъ всадниковъ, испугавшись, стремились въ безпорядкѣ отвсюду за своими отрядами, довершая такимъ образомъ разстройку оныхъ.

Въ тоже время Британцы, облежавшіе высоты холмовъ, неучаствовавшіе дотолѣ въ сраженіи, и на малочисленность нашу съ презрѣніемъ взиравшіе Британцы, спустившись внезапу внизъ, готовы уже были окружить побѣдоносное наше воинство; какъ Агрикола, предусмотрѣвъ такое намѣреніе, противупоставилъ имъ четыре отряда конницы, бывшей въ запасѣ на нечаянный случай; — и чѣмъ свирѣпѣе они нападали, тѣмъ быстрѣе были отражаемы, тѣмъ скорѣе обращаемы въ бѣгство. По велѣнію вождя, стоявшая по бокамъ конница опрокинула непріятеля, и настигая его въ тылъ, произвела въ дѣйствіе тоже, на что онъ противъ насъ покушался. Повсюду представлялося тогда очамъ зрѣлище величайшее и ужаснѣйшее. Побѣдитель преслѣдовалъ, ранилъ, бралъ въ плѣнъ непріятелей,

умерщ-

умерщвлялъ ихъ, дабы вновь другихъ увлечь въ неволю. Водимые страхомъ и отчаяніемъ Британцы, цѣлыми толпами съ оружіемъ въ рукахъ, бѣжали отъ горести нашихъ ратниковъ; или обезоруженные, съ потупленною главою, сами стремились принести себя на жертву. Окровавленная земля покрыта была оружіемъ, трупами и растерзанными членами. — Иногда также и побѣжденные одушевлялись мужествомъ и ополчалися мщеніемъ. При входѣ въ ближній лѣсъ, соединившись вкупѣ, окружили они поспѣшнѣйшихъ преслѣдователей, запутавшихся по неосторожности въ неизвѣстныхъ мѣстахъ. Такое отважное на себя надѣяніе было бы конечно для насъ пагубно, естьли бы Военачальникъ, присутствующій повсюду, не повелѣлъ отличнѣйшимъ по мужеству и искусству полкамъ по-

строиться въ порядокъ; а части конницы, сойдя съ лошадей, извѣдать пути лѣсные. Непріятели, узрѣвъ, что начали вновь ихъ преслѣдовать въ надлежащемъ сближеніи и устройствѣ, паки предалися бѣгству — но не толпами, какъ прежде, а въ чрезвычайной разсѣянности, такъ что не дожидаясь другъ друга, разсыпались въ разныя стороны, и скиталисъ по мѣстамъ непроходимымъ. — Наступившая ночь остановила теченіе побѣдителей, пресыщенныхъ уже убійствомъ. Британцовъ легло на мѣстѣ около десяти тысячь человѣкъ. — Наша потеря состояла въ трехъ стахъ сорока, между которыми былъ Авлусъ Аттикъ, начальникъ легіона, пламенемъ юности и рьяностію лошади въ средину непріятелей занесенный.

Побѣдоносное и корыстію обремененное воинство Римское провело ночь

ночь въ веселіи. Нещастные Британцы, скитаясь — мужчины и женщины — наполняли воздухъ жалостнымъ воплемъ; влекли за собою израненныхъ соотечественниковъ; взывали другъ ко другу; оставляли собственные домы, и въ ярости предавали ихъ пламени; избирали убѣжища, но вскорѣ паки ихъ бросали; сходились вмѣстѣ для совѣту, питались нѣкоторою надеждою — но тотчасъ паки впадали въ отчаяніе. При видѣ самаго драгоцѣннаго на свѣтѣ, повергались они иногда въ мрачное уныніе; но часто приходили въ звѣрскую лютость: — изъ жестокаго сожалѣнія закалали, по увѣренію нѣкоторыхъ, женъ и дѣтей своихъ. — Наступленіе дня открыло яснѣе величіе побѣды: — глубокое повсюду безмолвіе — пустые холмы — дымящіяся вдали кровли — никто непопадающійся разосланнымъ во всѣ стороны пре-

слѣдователямъ. Военачальникъ, по донесенію ихъ, увѣдалъ, что неизвѣстны слѣды бѣгущихъ, что непріятели нигдѣ не обрѣтаются вкупѣ; и видя, что глубокая осень не попускаетъ послать туда и сюда отряды, повелъ воинство въ земли Орестскія. Взявъ тамо заложниковъ, повелѣлъ начальствующему надъ флотомъ обѣхать Британнію; онъ снабденъ былъ достаточными силами и предваренъ страхомъ: — самъ же Полководецъ — для впечатлѣнія медленностію большаго ужаса въ народы вновь порабощенные — съ пѣхотнымъ и коннымъ воинствомъ шествовалъ весьма тихо на зимнія жилища. Въ то же время флотъ, споспѣшествуемый благопріятными вѣтрами и увѣнчанный славою, прибылъ благополучно въ Трутульскую пристань, обѣхавъ конецъ острова.

Про-

Простыя и никакою хитростію риторскихъ прикрасъ не испещренныя письма Агриколовы, донесеніе и отчетъ о сихъ произшествіяхъ заключающія, приняты Императоромъ, по обыкновенію его, съ радостію на лицѣ, съ безпокойствіемъ въ духѣ. Гнѣздилося у него на сердцѣ воспоминаніе того смѣшнаго, того мнимаго надъ Германіею торжества, на которомъ являлись нарочно купленные невольники, по платью и даже по волосамъ преображенные въ военноплѣнныхъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, коль великое различіе между побѣдою пустою и вздорною, и истиннымъ, великимъ пораженіемъ надъ толикими тьмами непріятелей; пораженіемъ, содѣлавшимся предметомъ разговоровъ и одобренія народнаго! Ничто не могло въ большее привести смятеніе сей подозрительной духъ, какъ гражданинъ, коего имя затмѣвало

имя Царское. „Тщетно, размышлялъ „онъ, истреблено краснорѣчіе при „судопроизводствѣ, тщетно погаше„ны дарованія, мрачившія меня въ „Римѣ и Сенатѣ, естьли другой кто „блистать будетъ славою военныхъ „подвиговъ. Онъ присовокуплялъ, что „преимущество во всемъ прочемъ мо„жетъ быть не совсѣмъ непростительно, но что существенныя ка„чества Военачальника суть собствен„но качества Императорскія. „ Въ уединеніи и задумчивости, — явномъ признакѣ занятія его кровопійственными замыслами — озабочиваясь долгое время такими мрачными размышленіями, избралъ наконецъ за лучшее отложить дѣйствіе своея ненависти до тѣхъ поръ, пока время изгладитъ стремленіе молвы и приверженность войска; ибо Агрикола начальствовалъ еще тогда надъ Британніею.

И

И тако повелѣваетъ Домитіанъ Сенату, въ выраженіяхъ весьма почтительныхъ и краснорѣчивыхъ, опредѣлить Агриколѣ торжественныя украшенія, статую увѣнчанную лаврами, съ прочими отличными и такому тріумфу пристойными знаками, присовокупляя при томъ мнѣніе свое, поручить ему во управленіе страну Сирійскую — мѣсто предоставленное первѣйшимъ вельможамъ, и, по смерти Аттилы Руфа, никѣмъ въ то время не занятое. Вообще навѣрное тогда полагали, что нѣкто изъ придворныхъ служителей, по особенной довѣренности, отправленъ былъ для врученія Агриколѣ грамоты на управленіе Сиріею, при случаѣ медленнаго его отъѣзду изъ Британніи; но что сей посланный, встрѣтясь съ нимъ при самомъ проливѣ, возвратился обратно, не бывъ предъ него представленъ.

Не льзя заподлинно утвердить, правда ли то, или единый токмо вымыслъ, согласно съ умоначертаніемъ Домитіана изобрѣтенный. Между тѣмъ Агрикола, отправляясь въ Римъ, сдалъ преемнику своему область, спокойную внутри и безопасную извнѣ. Чтобы не сдѣлать вѣзда свой примѣчательнымъ и по стеченію народному похожимъ на торжественный, предупредивъ намѣреніе друзей, желавшихъ принять его за городомъ – ночью прибылъ въ Римъ; ночью, такъ какъ было предписано, отправился въ Царскіе чертоги. Вмѣсто всякаго пріему, Домитіанъ облобызалъ его холодными устами, не удостоивъ ни единымъ словомъ: — непосредственно за симъ завоеватель Британніи изчезъ въ толпѣ прочихъ невольниковъ. Слава военнаго человѣка тягостна, язвительна для людей праздныхъ. Дабы смягчить

то

то непримѣтными добродѣтелями, предался Агрикола совершенно жизни спокойной и уединенной: — умѣренный въ одеждѣ, простъ въ разговорахъ — являлся онъ въ собранія, сопровождаемый однимъ, или двумя друзьями. При видѣ, при созерцаніи сего героя, большая часть людей — по блистательной наружности о достоинствахъ судить привыкшая, искали въ немъ знатнаго человѣка:— не многіе его угадывали.

Не рѣдко, въ первые дни послѣ призыва, былъ онъ заочно обвиняемъ предъ Императоромъ, и ничего о томъ не вѣдая, заочно судимъ. Не преступленіе какое, или жалобы обиженныхъ подавали причину къ его погибели; но отвращеніе къ нему Государя за добродѣтели, собственная слава и льстивые похвалъ сплетатели, опаснѣйшій тогда родъ непріятелей. Наставшія вскорѣ мрач-

ныя времена не попускали предать забвенію Агриколу, когда, по неблагоразумію, или робости полководцевъ, лишилась республика толикихъ тысящь ратниковъ въ Мезіи, Даціи, Германіи и Панноніи; когда взято у насъ толико крѣпостей, купно съ толикимъ числомъ оберегательнаго въ нихъ войска; и когда дѣло шло не о сбереженіи границъ Имперіи, ниже объ удержаніи береговъ рѣчныхъ, служившихъ оградою — но о зимнихъ жилищахъ легіоновъ и о новомъ завладѣніи. Такимъ образомъ, при всегдашней потерѣ за потерею, когда каждый годъ знаменовался новыми кровопролитными пораженіями, новыми злоключеніями — гласъ народа взывалъ на служеніе отечеству Агриколу. Всѣ приводили въ сравненіе неутомимость его, мужество и опытность въ дѣлахъ ратныхъ — съ невѣденіемъ и робостію другихъ

ему

ему предпочтенныхъ. Домитіанъ, къ вящшему огорченію, часто слышалъ подобныя сужденія, внушаемыя ему, какъ вѣрнѣйшими служителями, по усердію и приверженности къ его особѣ, такъ и развращенными, по черноть характера, по злому сердцу, дабы раздражить Монарха, и безъ того уже весьма склоннаго къ злодѣяніямъ. Тако — купно добродѣтели сего великаго мужа — купно пороки другихъ возвышали его на верьхъ величія и вмѣстѣ низвергали на край пропасти.

Уже наступало то время, въ которое проконсульство — Азійское ли то, или Африканское — по жребію ему доставалось; но внезапное умерщвленіе Цивики, сей первый опытъ властителя, служилъ явственнымъ отголоскомъ для Агриколы. Въ добавокъ къ тому, нѣкоторые царедворцы, единомышленники

До-

Домитіановы, какъ будто бы отъ себя, приступали къ Агриколѣ съ вопросами: приметъ ли возлагаемое на него достоинство? Первое покушеніе было скрытное, основанное на пріятности спокойствія, на щастіи уединенной жизни: вскорѣ предложены были услуги въ исходатайствованіи увольненія отъ должности; напослѣдокъ подосланцы сіи, снявъ съ себя личину, къ увѣщаніямъ присоединили угрозы — и повлекли его въ Царскіе чертоги. Домитіанъ, искусившійся въ притворствѣ и горделивостію наполненный Домитіанъ — величаво выслушавъ прошеніе Агриколово — внялъ оному, дерзнулъ принять за то благодареніе; — и ни мало не покрылся стыдомъ, оказывая столь ненавистную благосклонность. Можетъ быть по ненависти, а можетъ быть и совѣстясь самаго себя — чтобъ не ка-

казаться купившимъ то, что отнято силою — не удостоилъ Агриколу Проконсульскимъ жалованьемъ, обыкновенною наградою отказывающимся отъ сего сана. Свойственно человѣчеству ненавидѣть тѣхъ, которыхъ обидѣлъ. Гнѣвливое и къ мести толико склонное сердце Домитіаново — будучи чѣмъ скрытнѣе, тѣмъ опаснѣе — смягчалося нѣсколько благоразумнымъ и скромнымъ поведеніемъ Агриколы, не искавшаго хвалы и отличныя смерти, посреди буйственныхъ возмущеній и пустаго прославленія вольности. Да научатся теперь обожатели презирающаго власти героизма, что можно также быть великимъ человѣкомъ подъ правленіемъ дурнаго Государя, и что повиновеніе и скромность, при талантахъ и мужествѣ, возводятъ на ту же степень славы, на какую блистательная, но отечеству без-

безполезная смерть возвела толико знаменитыхъ жертвъ тщеславія.

Въ концѣ жизни его, плачевномъ для родныхъ, горестномъ для друзей, принимали участіе даже иностранцы и незнаемые. Самая чернь, сей толико впрочемъ ко всему равнодушный и на все рѣшительный народъ, приходилъ часто освѣдомляться о состояніи его здоровья, занимаясь разговорами объ ономъ и въ домахъ и по улицамъ. Никто не возрадовался при вѣсти о его кончинѣ, ниже скоро забылъ ее. Соболѣзнованіе сіе еще болѣе увеличилось, когда распространился повсюду слухъ, будто опоенъ онъ ядомъ. Что касается до меня — не зная сего точно — не смѣю говорить утвердительно. Впрочемъ то достовѣрно, что во всю болѣзнь его, Домитіанъ чаще, нежели сколько прилично Государю, присылалъ навѣщать его,

и

и ближнихъ своихъ царедворцовъ, и особенно къ себѣ приверженныхъ врачей — изъ любопытства ли то, или по особеннымъ какимъ корыстолюбивымъ видамъ. Въ самой же день смерти его скакали гонцы за гонцами, поспѣшая донести Императору о послѣднихъ его страданіяхъ; — и никто не вѣрилъ, чтобы Домитіанъ обращалъ такое вниманіе на огорчительныя для себя новости. Со всѣмъ тѣмъ однакожъ, не токмо на лицѣ изображалось у него прискорбіе, но гнѣздилось, казалося, что-то и на сердцѣ. Ненавистный предметъ не безпокоилъ его болѣе; а притомъ радость скрывалъ онъ удобнѣе страха. При чтеніи завѣщанія Агриколова — которымъ, не взирая на приверженность его къ достойнѣйшей супругѣ и нѣжнѣйшей дочери, Императоръ вмѣстѣ съ ними назначенъ былъ къ наслѣдству имѣ-

нія

нія — Домитіанъ любовался онымъ, поставляя мнимую сію почесть знакомъ должнаго къ себѣ уваженія. Безпрестанными ласкательствами толико ослѣпленъ былъ его разумъ и испорчено сердце, что онъ не вѣдалъ, что добрый отецъ семейства призываетъ въ наслѣдники худаго токмо Государя.

Родился Агрикола *13 Іюня*, при третьемъ консульствѣ Императора Каія; а умеръ на пятьдесятъ шестомъ году жизни своей, *23* Августа, при консульствѣ Коллеги и Приска. Естьли потомство любопытствовать будетъ о его наружности, видъ у него былъ больше пристойный, нежели важный; черты лица привлекательныя — привѣтливость изображалась на устахъ его. Словомъ, всякой легко призналъ бы въ немъ добраго человѣка, и охотно великаго. Что касается до него собственно-

ственно, то, не взирая, что смерть исторгла сего мужа изъ среды его теченія, весьма долго наслаждался онъ жизнію, если-ли разсмотрѣть снисканную имъ славу. Съ избыткомъ обладалъ онъ истинными, добродѣтелію доставляемыми благами: — отличенный Консульскимъ достоинствомъ, увѣнчанный торжественными украшеніями — чегожъ надлежало еще ожидать ему отъ десницы щастія? Не былъ онъ чрезмѣрно богатъ: но имѣнія его становилось однакожъ довольно для приличнаго по чину содержанія. По смерти, остались у него дочь и жена. Подлинно можно почесть его благополучнымъ: — по самой гробъ сохранилъ онъ свое достоинство, славу, друзей, ближнихъ своихъ, и что всего больше, присталъ къ берегу на канунѣ бури. Въ самомъ дѣлѣ, съ лишкомъ избыточно было бы его ща-

стіе раздѣлять съ нами прекрасные дни сего златаго вѣка, вѣка озареннаго кроткимъ царствованіемъ Траяновымъ. Онъ ласкался лестною надеждою зрѣть его на престолѣ, и довѣрялъ намъ въ прорицаніи своемъ и обѣтахъ; — но поелику въ законѣ судебъ предназначена преждевременная ему кончина, то въ утѣшеніе вмѣнялось то, что онъ избѣгнулъ сихъ послѣднихъ временъ, когда Домитіанъ, не по отрывкамъ и промежуткамъ, какъ прежде; но безпрестанно свирѣпствовалъ противъ республики, и какъ будто единымъ зѣвомъ, поглотилъ оную.

Не зрѣлъ Агрикола ни заключенія Сената, сего знаменитаго собранія воинами осажденнаго; ни ужаснаго побіенія толикихъ мужей, однимъ разомъ умерщвленныхъ; ниже ссылки и бѣгства толикаго числа благороднѣйшихъ женъ. Метій Каръ, знат-

ный

ный сей доноситель, единою токмо еще знаменовался побѣдою; въ единомъ еще Албійскомъ замкѣ раздавались кровопійственные приговоры Мессалиновы; — и самъ Бебій, толико впрочемъ извѣстный обвинитель, обвиненъ былъ въ то время. Вскорѣ по томъ, собственными мышцами повлекли мы въ темницу Гельвидія; наши мышцы свирѣпо разлучили Рустика и Маурика; наши мышцы обагрилися въ крови Сенекіоновой, въ крови самыя невинности. По крайней мѣрѣ Неронъ отвращалъ очи — повелѣвая токмо творить злодѣянія, но не созерцая оныхъ. При Домитіанѣ же, величайшій ужасъ порождался отъ вида, отъ воззрѣнія на властителя, когда записывалъ онъ наши вздохи, когда съ симъ звѣрскимъ лицемъ — самою чермностію отъ стыда предохраненнымъ — свирѣпо взиралъ на блѣдность толикихъ жертвъ нещастія,

сшія, и проницалъ, казалося, въ самые сердечные изгибы. Но ты щастливъ Агрикола — щастливъ не токмо потому, что являлся на горизонтѣ міра въ толикомъ блескѣ; но и по тому, что оставилъ его весьма къ стати. По свидѣтельству бывшихъ при послѣднихъ твоихъ разговорахъ — съ спокойнымъ, съ удовольственнымъ духомъ принялъ ты опредѣленіе судьбы, какъ будто не касалося до тебя обвиненіе приписываемое Государю. Но горечь печали нашей — моея и дочери твоей, печали о потерѣ любезнаго отца — растворена еще соболѣзнованіемъ, что не льзя было намъ присутствовать при немощи твоей, не льзя было попеченіями подкрѣпить ослабѣвающія твои силы — насытиться твоими взорами, твоими объятіями. По крайней мѣрѣ, собрали бы приказанія твои, слова твои, для впечатлѣ-

тлѣнія ихъ во глубинѣ сердца. Наше то нещастіе — наше прискорбіе; — насъ, по случаю толь долговременнаго отсутствія, оставилъ ты за четыре года прежде. Супруга твоя, дражайшій изъ родителей, толико нѣжная и сердобольная супруга, безъ сомнѣнія достойно выполнила и свои обязанности, и наши: — тѣло твое предано землѣ съ приличною честію. Оно орошено однакожъ не многими слезами — и очи твои, при самомъ ихъ сомкнутіи, искали еще чего-то; но тщетно. Естьли есть какое мѣсто для тѣней праведниковъ; естьли, какъ утверждаютъ мудрецы, благочестивыя души не исчезаютъ вмѣстѣ съ тѣломъ: — покойся, великій духъ, на лонѣ блаженства; ниспусти взоръ твой на семейство свое; и, чтобъ осушить наши слезы, прекратить женоподобныя стенанія, взывай насъ къ созерцанію твоихъ

добродѣтелей. Не прилично имъ ни оплакиваніе, ни соболѣзнованіе. Долгъ нашъ — дивиться имъ, — увѣковѣчить ихъ хвалами — истинный паче долгъ нашъ, ревностнымъ подражаніемъ, естьли дозволятъ то силы, присвоить ихъ себѣ. Се неложная почесть, се благочестивая жертва, родственниками умершимъ куримая! да дочь твоя, да супруга, стремяся превознести память отца, мужа — представляютъ себѣ безпрестанно славу твою, твои дѣянія, слова; да прилѣпляются паче къ образу души твоея, нежели тѣла: — не по тому, чтобы охуждалъ я употребленіе бронзы и мрамора для сохраненія вида мужей великихъ; но что такой памятникъ есть изображеніе гибнущее и временное, такъ какъ и подлинникъ. Душа вѣчна — и образъ ея не можетъ быть представленъ ни рукою, ни-

другимъ какимъ веществомъ; но напечатлѣвается единымъ сходствомъ во нравственности. Все — за что любили Агриколу, все — чему въ немъ дивились — пребываетъ и пребудетъ въ памяти у человѣковъ, въ лѣтописяхъ міра, въ вѣчности временъ. Многіе достойные мужи древности, по недостатку въ повѣствователяхъ, покроются завѣсою мрака и забвенія: — Агрикола, сообщенный преданіемъ потомству Агрикола, наслаждаться будетъ безсмертіемъ.

КОНЕЦЪ.

Инв. 5507